

УДК 821.161.1-311.4

Беляева З.К., Песоцкий В.А.*Московский государственный областной университет***ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
«ДЕВИЧЬЕЙ ПОВЕСТИ»**

Аннотация. Жанр «девичьей повести» – уникальное явление массовой литературы. В России этот жанр развивался приблизительно с 1894 по 1917 гг. и пользовался огромной популярностью у читателей, преимущественно девочек-подростков, которым и были адресованы эти книги. «Девичьи повести» оказывали ощутимое влияние на становление личности девушки и были весьма показательны с философской точки зрения. В данной статье раскрываются идеологические особенности жанра «девичьей повести». Проводится детальный социально-философский анализ ключевых произведений данного жанра. Описана роль такого рода произведений в идеологической борьбе конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: литература, идеология, пропаганда, монархизм, массовая культура.

Z. Belyaeva, V. Pesotsky*Moscow State Regional University***PRE-REVOLUTIONARY “MAIDEN TALE” AS IDEOLOGICAL PHENOMENON**

Abstract. The genre of “maiden tale” (devich'ya povest') is a unique phenomenon of popular literature. In Russia this genre developed from 1894 to 1917. It was extremely fashionable with readers, especially teenage girls – its targeted audience. “Maiden tales” had a great influence on the development of feminine personality and are rather exponential from a philosophical point of view. This article discloses the ideological features of the genre and provides a detailed socio-philosophical analysis of its key works thus revealing their role in ideological struggle of the late 19th – early 20th centuries.

Key words: literature, ideology, monarchism, advocacy, mass art

Русская детская литература довольно неоднородна, и особенно выделяется в ней беллетристический жанр «девичьей повести», прекративший существование после революции и не возродившийся в прежнем виде. В произведениях данного жанра затронуты как насущные подростковые проблемы (дружба, учёба, отношения с родственниками), так и проблемы остросоциальные (сиротство, бедность), и даже политические (патриотизм, эмансипация, военная тема, тема классового неравенства).

Данный жанр зародился в конце XIX в.; его родоначальницами в русской литературе были А.Н. Анненская и Н.А. Лухманова. Толчком для выделения «девичьей повести» в отдельный жанр стала повесть Н.А. Лухмановой «Девочки» (1894), в которой подробно рассказывалось о повседневной жизни института благородных

девиц. Повесть породила острый читательский интерес к быту и нравам женских учебных заведений и нравственному развитию девочек-подростков. Эти темы были поддержаны и развиты другими авторами «девичьих повестей» – К.В. Лукашевич, В.С. Новицкой, В.П. Желиховской, Е.Н. Кондрашовой, Е.А. Ильиной-Пожарской и, в особенности, Л.А. Чарской – самым известным (и наиболее жёстко раскритикованным советскими идеологами – см. статьи В. Шкловского «О пище богов и о Чарской», Е.Данько «О читателях Чарской», С. Маршака «О большой литературе для маленьких» и проч.) автором такого рода произведений.

Практически все «девичьи повести» не переиздавались при советской власти. Характерна причина этого – «девичьи повести» были официально признаны идеологически враждебными советскому строю и вредными для советских детей. Но читательский интерес к ним сохранялся десятилетиями. «Девичьи повести» тайно передавались из рук в руки, часто переписывались от руки. На рубеже XX-XXI вв. «девичья повесть» стала объектом интереса учёных-филологов (см., например, «Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы» – диссертация Н.С. Агафоновой на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Иваново, 2005 г.). Но учёными-философами данный жанр практически не изучен. Наша задача – дать «девичьей повести» характеристику с философской точки зрения, определить круг затронутых в произведениях данного жанра идеологических проблем и изучить причины и процесс борьбы советской пропаганды с такого рода произведениями.

«Девичья повесть» – это произведение, предназначенное преимущественно для девочек 9–14 лет, реже 15–18 лет. Относясь к массовой литературе, эти книги рассчитаны на обыденный уровень сознания читателя, они отличаются характерным шаблонным языком, узнаваемостью главной сюжетной линии, удержанием читательского внимания при помощи «эффектных» поворотов сюжета. Главной героиней такого произведения является девочка того же возраста, как правило – ученица гимназии или института. Часто она сирота или разлучена с близкими. По ходу действия она попадает в сложную с нравственной точки зрения ситуацию и должна с честью выйти из неё: Ло из повести Чарской «Некрасивая» становится объектом травли в институте; Надя из её же «Волшебной сказки» должна сделать выбор между кровным родством и обеспеченной жизнью; Женя Стоцкая из «Так они жили» Ильиной-Пожарской – отстаивать свои жизненные принципы перед не понимающими её родителями; Женьевьева из «Басурманки» Новицкой – определиться, русской ей себя считать или француженкой, и т. д. Иногда, особенно у Чарской, девочки по ходу действия попадают в ситуации, более характерные для приключенческого романа: стихийное бедствие, похищение, крушение поездов и т. д. Также частым сюжетным ходом служит болезнь героини, во время которой недруги решают примириться с ней. А главное отличие «девичьей повести» от других детских книг – подробнейшее описание быта, нравов, вкусов и интересов девочек той эпохи, повышенное внимание к специфически «девичьим» мелочам повседневной жизни – это

мода, альбомы, гадания и спиритизм, специфический фольклор и жаргон и проч.

Особый интерес для исследования отечественная «девичья повесть» представляет по той причине, что является фактически *мёртвым жанром*. Одни жанры беллетристики (фантастический роман, приключенческий роман, детектив) после Октябрьской революции продолжили своё существование, лишь изменив идеологическую окраску; другие (любовный роман, эротический роман и проч.) были забыты, но возродились во время перестройки. Что же касается «девичьей повести», то в современной литературе практически невозможно найти её эквивалент. Т. н. «роман для девочек», который далёкие от детской литературы люди часто отождествляют с «девичьей повестью», на самом деле гораздо ближе к любовному роману, просто его героями являются подростки. Главная сюжетная линия «романа для девочек» – любовная. В «девичьей повести» она, за редким исключением, отсутствовала вовсе, а если и наличествовала, то была второстепенной. На первый план выходило становление личности девочки-подростка, развитие в ней качеств будущей женщины – не столько жены, матери и хозяйки, сколько хранительницы определённых ценностей: милосердия, религиозности, жертвенности.

Причины возникновения и развития данного жанра коренятся в потребности общества в определённом типе женщин. На рубеже XIX-XX вв. общество не испытывало недостатка ни в хранительницах домашнего очага, которых хватало и так, ни в эмансипированных женщинах, ко-

личество которых росло год от года. Зато испытывало дефицит женщин самоотверженных, готовых посвятить жизнь служению слабым. Развитие капитализма, растущее социальное расслоение, русско-японская и первая мировая войны, пробудившие в обществе идею патриотизма, породили потребность в сёстрах милосердия и «профессиональных» благотворительницах, отодвинув на второй план многочисленные противоречия, усугубляемые перечисленными причинами. Стремление всё большего количества людей дать своим детям образование породило также острую потребность в учительницах, гувернантках, классных дамах, что способствовало росту социальной активности значительной части населения и вовлечению её в процесс идеологического противоборства, проявляющегося во всех сферах духовной жизни общества.

Авторы «девичьих повестей» стремились воспитать в читательницах интерес к служению обществу, обострённое чувство долга, повышенную жалостливость, сентиментальность, набожность, самоотверженность, стремление опекать слабых – качества, необходимые для того, чтобы девочка, вырастая, захотела пополнить ряды гувернанток, сестёр милосердия или, при наличии средств, филантропок, тем самым осознанно или неосознанно формируя патриотические настроения у молодежи и их готовность к самопожертвованию во имя Родины, которая отождествлялась не только со страной проживания, но и с существующим в ней государственным устройством. Аналогичные социальные проблемы присутствовали и на Западе, «девичья повесть» параллельно развивалась и

там, выполняя тот же социальный заказ, правда, с большей ориентацией девочки на создание собственной семьи, – см. произведения Ф. Бернетт, Л. Олкотт, С. Кулидж и проч. Такова была основная идеологическая задача «девичьей повести» – но не единственная, как мы увидим ниже.

Маленький мирок гимназии, института, приюта или большой дворянской семьи, в котором обитает героиня «девичьей повести», казалось бы, закрыт от проблем внешнего мира. Однако авторы таких повестей, как большинство беллетристов, были склонны поддерживать официальную политику государства и хотя бы в эпизодах прививать читательницам соответствующие взгляды. Так, в 1912 г. отмечалось 100-летие победы над Наполеоном; перед этим событием вышел ряд детских книг, посвящённых данной теме, и в их числе – «девичьи повести»: «Басурманка» В. Новицкой и «Смелая жизнь» Л. Чарской. Первая описывает нравственные метания девочки-француженки Женеьевы, удочерённой русской семьёй дворян Трояновых, вторая же является беллетризованной биографией первой в России женщины-офицера Надежды Дуровой.

Войну героини повестей воспринимают по-разному: для Женеьевы это трагедия, для Нади – шанс показать свою доблесть. «Война! Вот где таится мечта её жизни, для которой она живёт, к которой стремится всей своей юной душой!.. <...> Но Наполеон – гений, покоривший полмира, и она, Надя, твёрдо знает это. Австрия, Италия, Индия, египетские пирамиды... Боже великий! Сколько сильного, славного за ним! <...> Пусть он гений, пусть победитель, но между русскими

разве нет и не будет гения, подобно-го Суворову? А они разве не ученики и дети бессмертного Суворова?.. О, она, Надя, так твёрдо верит в русскую счастливую звезду, в победу русского оружия... <...> Там, в этом будущем, её ждут битвы, победы, может быть, слава... крупная слава...» [20, с. 111] – это мысли и чувства Нади Дуровой. Несмотря на тяготы военной жизни, героиня сохраняет восторженное отношение к войне до конца книги и вдобавок считает Наполеона достойнейшим противником. Женеьева и её семья, напротив, переживают происходящее очень тяжело. «Примолк прежний, часто беспричинный, искренний смех, оглашавший темные аллеи и светлые уютные комнаты. Встревоженная, вспорхнула, притаилась в каком-то тёмном уголке радость» [11, с. 61] – так влияет война на повседневную жизнь героев, хотя собственно боевые действия проходят в стороне от их усадьбы. Отношение к Наполеону у Новицкой тоже иное: устами разных героев повести она называет его то «проходимцем» [11, с. 32], то «баловнем судьбы, ослепленным гордыней» [11, с. 60], утверждает, что «только жажда личной славы и могущества движет поступками Наполеона» [11, с. 190], и осуждает его за это. Семья Трояновых презирает его; раненый полковник-француз, которого они приютили в конце повести, умирая, жалеет, что потратил лучшие годы на службу в его армии.

Но неизменно в идеологической окраске этих двух повестей одно – патристическое восприятие монархизма через крайнее, раболепное поклонение царю. Надя, в момент произведения её в офицеры, целует руки царя, обнима-

ет его колени; “Боже, дай мне умереть за него! Дай мне только умереть за него!” – думает она [20, с. 261], а после аудиенции больше всего радуется вовсе не чину и не ордену: «Но главное, она отныне носит “его” имя, имя царя, монарха, государя, пожалованное ей в награду. Мечтала ли она когда-нибудь об этом! Это лучше всего, лучше чина, лучше белого крестика, лучше всего мира!...» [3, с. 262].

С тем же восторженным раболепием говорят и думают о царе и герои «Басурманки». «Милый, золотой государь», «наш чудный, умный государь», – так они его называют, заливаясь слезами умиления [11, с. 21].

В других произведениях, не имеющих ярко выраженной военно-патриотической направленности, благоговение героинь перед царём и высшей аристократией ощущается всё равно. Вот в рассказе Л. Чарской «Царевна Лизанька» девочка Танюша осмеивает свою новую знакомую Лизу, которую ей представили как дочку плотника; но вскоре Танюша узнаёт, что Лизанька – дочь царя Петра Первого, и её отношение к девочке меняется вмиг: «Хочется ей сейчас всю душу свою положить за ласковую царевну... Жизнь свою отдать за неё...» [22]. Вот Люда героиня повести той же Чарской «Записки институтки», обласкана монаршей четой, посетившей институт: «Близость монарха, доброе, отеческое отношение, его – великого и могучего, держащего судьбу государства и миллионов людей в крупных руках, – всё это заставило содрогнуться от нового ощущения душу маленькой девочки» [17, с. 83]. А мать Муси из тетралогии В. Новицкой посвящает целую оду Александру II [10, с. 81]. Такое отношение героев к

монархам детерминировано типичной для беллетристики позицией: в отличие от авторов «элитарной» литературы, рассчитанной на теоретический уровень познания, беллетристика рассчитана на обыденный – и глубокое проникновение в идеологию не характерно для беллетриста: он либо поддерживает официальную политику государства, либо, реже, поверхностно симпатизирует какому-либо модному оппозиционному течению.

Авторы «девичьих повестей» практически единогласно выбрали первый путь. По словам Е. Данько, исследовавшей творчество Чарской, издательство «Товарищество М.О. Вольф», где издавались её книги, «требовало, чтобы автор «подцарил» каждую книгу» [4]. Вероятно, эти требования предъявлялись и к другим писательницам. Рвение, с которым воплощалось «подцарение», высмеивал ещё до революции К. Чуковский: «Особенно недосыгаема Чарская в пошлости патриото-казарменной: «Мощный Двуглавый Орел», «Обожаемый Россией монарх» – это у нее на каждом шагу, и не мудрено, что унтеры Пришибеевы приветствуют её радостным ржанием, а какой-то Ревунов-Караулов отдал даже такой приказ:

«Книга г-жи Чарской должна быть приобретена в каждой семье, имеющей какое бы то ни было соприкосновение... с кавалерией» [24, с. 309].

Не только Отечественная война 1812 года, но и современная вышеуказанным авторам русско-японская война нашла отклик в творчестве писательниц. Тетралогия о Мусе Старобельской, например, – образчик «девичьей» литературы начала XX в., характеризуется интеграцией в сознании и поведении

героев патриотических и крайне националистических идей. Первая книга, «Хорошо жить на свете!», написана в период войны с Японией, и целая глава в ней посвящена размышлениям десятилетней героини о войне. «Чего только не пишут об этой ужасной войне! А какие наши русские молодцы, как они хорошо бьются с этими противными желтоглазыми японцами, хотя тех и гораздо больше. <...> У папы висит на стене карта Европы; так Россия на ней такая большая, такая большая, к чему нам ещё чужая земля, где живут эти противные японцы и китайцы? Если бы я была царицей, я не позволила бы, чтобы в моём государстве все эти уроды жили, всех поразогнала бы, – никого, кроме нас, русских!» – так рассуждает Муся [10, с. 17].

По современным меркам её мысли оказались такими радикальными, что при переиздании в 2011 г. эти строки были убраны из текста, как и ещё несколько резких моментов, и полную версию можно найти только в Интернет-библиотеках. Но следующая книга тетралогии, «Весёлые будни», вышла в том же году без купюр, а там националистические нотки звучат не менее резко. Муся поступает в гимназию, и в первый же день её недовольство вызывает соседка по парте, девочка с восточным типом лица, принятая Мусей опять же за японку. «Ничего не поделаешь, сидим рядом, но я нарочно с ней ни слова, будто её и не существует. Вот ещё, может, её дядя или братья русских убивали, а я с ней разговаривать стану!» [12, с. 6] – но как только выясняется, что девочка эта русская, Муся спешит с ней подружиться. Но если антипатия Муси к японцам ещё более или менее обусловлена войной, то

ситуация, описанная в главе XIII, выглядит совсем уж неприглядно. Муся и её подруга рассказывают Володе, двоюродному брату Муси, про любимую учительницу Тер-Окопову, и тот делает «открытие»: «Да знаете ли вы, что Терракотка-то ваша – армяшка? Самая настоящая армянская армяшка!» – и, более того, зло передразнивает речь армян [12, с. 46]. Этого хватает, чтобы девочки охладели к учительнице. Так автор из благих, вроде бы, намерений пытается возбудить в читателях патриотическое чувство, но доводит его до крайних (националистических) проявлений.

Авторы «девичьих повестей» много писали и о социальном неравенстве. Уже упомянутый нами социальный заказ требовал, чтобы почти в каждой повести героине довелось спасти, выручить или чем-нибудь одарить бедняка и/или больного. Однако заметно, что к истинному равенству никто из авторов не стремится.

Лица из повести Чарской «Особенная» позиционирует себя как защитница бедных, помогает своему возлюбленному и единомышленнику князю Гарину основать сиротский приют, подчёркнуто дружелюбно общается с купцом Силой Романовичем.

Трояновы из «Басурманки» Новицкой заботливы и внимательны к своим крепостным. Той же заботы о крепостных пытается добиться от своих родителей Женя из повести Е. Ильиной-Пожарской «Так они жили». В зависимости от требований издателя, главной героиней произведения может быть как девочка-дворянка, так и девочка из совсем не знатной семьи.

Но те же авторы подчёркивают, что каждый их герой находится и должен

находиться на той ступеньке социальной лестницы, куда поставила его судьба, и борьбе с неравенством как таковой они предпочитают помощь сильных слабым: Трояновы заботятся о крестьянах, смотрят на некоторых слуг как на членов семьи, но не дают им воли; Муся Старобельская с разрешения матери дарит больной дочке молочницы свою куклу; похожие поступки часто совершают и дети из произведений Чарской.

Но идеи социального равенства прослеживаются в исследуемом феномене недостаточно рельефно. Реальные попытки героинь вырваться из своей среды изображаются в «девичьих повестях» как заведомо обречённые на неудачу: Нелли из повести Анненской «Чужой хлеб» и Надя Таирова из повести Чарской «Волшебная сказка», девочки из простых семей, расплачиваются за право воспитываться в богатых дворянских домах душевной болью и унижениями, и обе они в итоге покидают своих благодетельниц, чтобы вернуться к простой трудовой жизни. А в повести В.П. Желиховской «Над пучиной» наравне с этими нотками звучат и националистические: главная героиня, юная дворянка Вера, вопреки своей воле просватана за купца, который изображён как неотёсанный, грубый и вдобавок подлый человек, но она не смеет и ответить взаимностью новому знакомому – художнику, пока не удостоверивается в том, что он – русский и дворянин.

Изредка поднимается в «девичьих повестях» и тема эмансипации женщин – например, в «Виновна, но...» Чарской и «Трудной борьбе» Анненской. Так, Ольга из «Трудной борьбы» выбирает медицинскую стезю (и снова

отметим филантропическую направленность избранной ею профессии), но сталкивается с недоверием пациентов, не привыкших к женщинам-врачам, и в конце повести решает ехать с подругой в какую-нибудь деревню, где нет конкуренции. Но такие повести предназначаются для читательниц постарше, 15–18 лет, и их сравнительно мало.

Отметим, однако, что один из авторов «девичьих повестей» всё же отошёл в своём творчестве от монархистских идей. Сделала это Лидия Чарская. Самые известные её «девичьи повести» (цикл о семье Джавахы, «Лизочкино счастье», «Записки маленькой гимназистки», «Смелая жизнь») действительно отличаются приверженностью монархизму; но советская писательница и публицист Е.Я. Данько, автор статьи «О читателях Чарской» (1934 г.), отмечает, что идеологическая окраска произведений данного автора меняется в зависимости от круга читателей, которому адресована повесть. Книги монархистского толка издавались главным образом «Товариществом М.О. Вольф», выходили они роскошно оформленными, продавались по высоким ценам – от 1р.75к. до 3р.50к. Они были предназначены для дочерей дворян, богатых чиновников, старших офицеров, а также для элитных учебных заведений.

Но «девичьи повести» Чарской нередко выходили также в издательстве «В.И. Губинский», которое «обслуживало своими детскими книгами других потребителей, нежели Вольф, а именно – городские школы, семьи мелких чиновников, обедневших дворян, разночинцев» [4]. «Особенная» и «Некрасивая», где критически изо-

бражены аристократы и им противопоставлены в одном случае купцы, а в другом – бедные интеллигенты, вышли именно там. Данько уличает Чарскую в лёгкой смене принципов в угоду издателю: «политические воззрения автора – это поверхностный лак, которым автор откровенно подмалевывает свои произведения в угоду заказчику» [4]. Данько даже осмеливается сравнить её с Кондрашовой и Желиховской в пользу последних, заявляя, что те, в отличие от Чарской, отличались твёрдостью принципов, основанных на христианской этике. У Чарской же религия – лишь способ получить выгоду: вымолить выздоровление больному близкому человеку, получить с переходом в христианство защиту русских властей и т. д. Каковы же истинные взгляды самого популярного автора «девичьих повестей»?

Данько приходит к выводу, что взгляды эти – мелкобуржуазные (согласно Краткому политологическому толковому словарю В.А. Ацюковского и Б.Л. Ермилова – «идеология значительной части населения (не только мелкой буржуазии), ставящей личные интересы выше общественных, стремящейся к получению благ за счет общества при минимальной отдаче обществу своего труда или без него» [3, с. 26]), в отличие от идеологии монархизма, присущей Кондрашовой, Лукашевич, Желиховской и другим авторам. Не будучи учёным-философом, она, тем не менее, смогла убедительно доказать свой тезис, и мы как исследователи должны согласиться с её доводами. Данько утверждает, что «традиционная» героиня «девичьей повести» – набожная, самоотверженная, милосердная – хоть и часто при-

сутствует у Чарской, но изображается так, что читатель не хочет подражать такому персонажу. Истинно достойными подражания Чарская изображает других героинь – энергичных, самовлюблённых, отрицающих традиционную мораль и этикет. В качестве примера Данько приводит Люду Власовскую и Нину Бек-Израил из цикла о семье Джаваха:

«Добродетельная и религиозная Люда Власовская, образ которой определенно близок образу Кати Солнцевой в книгах Кондрашовой, превращается в скучную, педантичную, хотя и самоотверженную гувернантку.

Автор не скрывает своего пренебрежения к «бедной Люде», подчёркивая превосходство её воспитанницы, нарушающей все приличия, но зато яркой и самостоятельной «второй Нины» [4].

Далее Данько характеризует собирательный образ «идеальной» героини Чарской, сравнивая её отнюдь не с Катей Солнцевой, Женей Стоцкой или Женеьевой Трояновой, а с героинями дореволюционного любовного романа: «Развинченная героиня романов Вербицкой, Нагродской и Анны Мар вошла в детскую книгу, надев для приличия передник институтки. Она принесла с собой маниакальную самовлюбленность, истеричные выходы и экстатические бреды» [4]. Действительно, Нина Джаваха и Нина Бек-Израил из цикла о семье Джаваха, Лида Воронская из автобиографического цикла Чарской, Конкордия из повести «Тринадцатая» и Инна из «Южаночки», – все они резко отличаются от героинь других «девичьих повестей» крайней независимостью характера, резкостью, взбалмошностью

и эгоцентризм. Это не те героини, которые стали бы гувернантками или сёстрами милосердия. Они не отвечают социальному заказу, обозначенному нами выше.

Но если есть такая героиня, то должен быть социальный заказ и на неё. И Данько находит причины появления таких героинь: «Под влиянием этих книг кристаллизовался в быту особый тип самовлюбленной аффектированной девочки. Ей предстояло в будущем щекотать чувственность, инженеров с черными как смоль бакенбардами» и «поручиков Хорченко» как своей инстинктивной наивностью, так и вакхическими экстазами. Детская книга выполняла заказ на женщину, которую хотело иметь мещанство той эпохи» [4].

Примечательно, что мелкобуржуазная идеология у Чарской маскируется под идеологию, требуемую издателем. Формально те же повести о семье Джаваха обозначены как монархистские, другие произведения тоже отвечают запросу издателя. Но «заказные» политически окрашенные моменты прописаны в них довольно грубо, в то время как мелкобуржуазные идеи внедряются в сознание читателя тонко, с художественной точностью и изяществом.

Характерно, что именно с произведениями Чарской, а не Желиховской или Новицкой, после революции пришлось бороться советским идеологам. «Подпольное» чтение Чарской было широко распространено среди советских подростков, особенно в 30-е гг. Это неудивительно: идеологическая актуальность книг «соперниц» Чарской во многом была обусловлена социальным неравенством, они учили прежде всего милости к социально неблагополучным людям и «грамот-

ному» с монархистской точки зрения, с милосердием, но без равноправия, обращению с ними; уравнивание всех классов в правах сделало потребность в таких воспитательных мерах неактуальной. Снисходительно-жалостливое отношение к слабому не поощрялось идеологами марксизма – слабому следовало помочь стать сильным. Книги же Чарской, будучи мелкобуржуазными по сути, играли на индивидуалистических наклонностях читателя, тяге к сугубо личным победам и радостям, оторванности от коллектива, т. н. «мещанству» – и это логично, поскольку стремление удовлетворить прежде всего личные интересы вообще свойственно природе человека. К тому же они привлекали юных читателей романтизмом, приключениями, эмоциональностью и психологизмом.

Итак, мы должны подчеркнуть идеологическую амбивалентность дореволюционных «девичьих повестей». Изначально они создавались в ключе монархизма, с целью воспитать в читательницах желание служить людям, но даже в мыслях не посягать на существующую государственную идеологию и политический строй. «Богородные дела», пропагандируемые в данных повестях, должны были совершаться строго в рамках существующего уклада жизни. Однако повести Чарской (творческий путь которой начался позже, чем у Анненской, Лукашевич и большинства других авторов) имели уже иную идеологическую окраску и служили другой цели – воспитанию женщины, в которой удалось дореволюционное мещанство. Небуржуазные идеи, высказываемые в её повестях, носили поверхностный характер и лишь слегка маскировали

их истинную мелкобуржуазную окрашенность.

Анализ идеологической компоненты в дореволюционных «девичьих повестях» показывает, что, несмотря на их кажущуюся идеологическую индифферентность в них, как и в других произведениях художественной литературы, содержится идеологический элемент. А следовательно, и применительно к ним подтверждается вывод о том, что художественная литература в любых ее проявлениях выполняет по отношению к идеологии следующие функции:

- носителя определённой идеологии (или идеологий);
- распространителя идеологических воззрений;
- популяризатора определённых идей;
- пропагандиста идеологических взглядов;
- поля идеологического противоборства;
- оружия идеологической борьбы;
- аккумулятора фрагментов истории идеологической борьбы, отражённых средствами художественной литературы. (см.: Песоцкий В.А. «Художественная литература и идеология»).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненская А.Н. Трудная борьба. М.: Книга по требованию, 2011. 66 с.
2. Анненская А.Н. Чужой хлеб. М.: Энас-книга, 2011. 200 с.
3. Ацюковский В.А., Ермилов Б.Л. Краткий политологический толковый словарь. М., 2003. 37 с.
4. Данько Е.Я. О читателях Чарской // Звезда, 1934, № 3.
5. Желиховская В.П. Подруги. Над пучиной. М.: Энас-книга, 2012. 280 с.
6. Ильина-Пожарская Е.Д. Так они жили. М.: Энас-книга, 2012. 136 с.
7. Кондрашова Е.Н. Дети Солнцевых. М.: Энас-книга, 2011. 256 с.
8. Лухманова Н.А. Институтки. М.: Энас-книга, 2010. 224 с.
9. Маршак С.Я. О большой литературе для маленьких. М.: Художественная литература, 1930. 64 с.
10. Мацхевич (Новицкая) В.С. Хорошо жить на свете! СПб.: А.Ф. Девриен, 1906. 182 с.
11. Новицкая В.С. Басурманка. М.: Энас-книга, 2012. 224 с.
12. Новицкая В.С. Безмятежные годы. М.: Энас-книга, 2011. 384 с.
13. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология / Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2008. № 2. С. 52–72.
14. Чарская Л.А. Волшебная сказка. М.: АСТ, 2011. 384 с.
15. Чарская Л.А. За что? М.: Паломник, 2007. 368 с.
16. Чарская Л.А. Начало жизни. М.: Захаров, 2007. 512 с.
17. Чарская Л.А. Некрасивая. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
18. Чарская Л.А. Особенная. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
19. Чарская Л.А. Смелая жизнь. М.: АСТ, 2010. 384 с.
20. Чарская Л.А. Тринадцатая. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
21. Чарская Л.А. Царевна Лизанька. / Задушевное слово для старшего возраста, 1916 г., № 44–52.
22. Чарская Л.А. Южаночка. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
23. Чуковский К.И. ПСС в 15 т. Т. 7. М.: Агентство ФТМ, 2003. С. 303–312.
24. Шкловский В.Б. Княжна Джаваха // Звезда, 1933, № 5.
25. Шкловский В.Б. О пище богов и о Чарской // Литературная газета, 1932, 5 апреля.